

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ / THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.118>

КОДИФИКАЦИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СЛОЖНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Научная статья

Шатковская Т.В.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-1574-4702;

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

¹Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (shatkovskaya.tv[at]gmail.com)

Аннотация

В статье раскрываются недостатки формального подхода к кодификации. Автор доказывает, что понимание кодификации как способа систематизации права не только противоречиво, но и бесперспективно в плане изучения сущности кодификации. Оно искусственно сужает потенциал кодификации как особой технологии функционирования права. Автор выступает с критикой определения кодификации как технологии правотворчества. Смешение кодификации и законотворчества препятствует на уровне профессионального правового мышления выработке необходимого для кодификации юридического глоссария, инструментария и методики проведения. Научное обоснование сущности кодификации с использованием исторического метода позволит использовать данную юридическую технологию для сохранения единства правового пространства государства. На архивном материале раскрывается опыт проведения общей и местной кодификации в Российской империи в XIX в. Автор приходит к выводу о том, что кодификация является исторически апробированной технологией формирования единой системы законодательства сложного государства и её развития.

Ключевые слова: кодификация, сложное государство, Российская империя, российское законодательство, юридическая технология, исторический метод, система законодательства.

CODIFICATION AS A TECHNOLOGY OF FORMATION OF A UNIFIED LEGAL SPACE IN A COMPLEX STATE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Research article

Shatkovskaya T.V.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-1574-4702;

¹Rostov state economic university (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author (shatkovskaya.tv[at]gmail.com)

Abstract

The article discloses the shortcomings of the formal approach to codification. The author proves that the understanding of codification as a way of systematization of law is not only contradictory, but also unpromising in terms of studying the essence of codification. It artificially narrows the potential of codification as a special technology of law functioning. The author criticizes the definition of codification as a technology of law-making. Mixing codification and lawmaking prevents at the level of professional legal thinking the development of a legal glossary, tools and methodology necessary for codification. Scientific substantiation of the essence of codification using the historical method will allow to use this legal technology to preserve the unity of the legal space of the state. On the archival material, the experience of general and local codification in the Russian Empire in the XIX century is shown. The author comes to the conclusion that codification is a historically tested technology of formation of a unified system of legislation of a complex state and its development.

Keywords: codification, complex state, Russian Empire, Russian legislation, legal technology, historical method, system of legislation.

Введение

Сохранение единства законодательства становится «проблемой роста» нормативного массива любого государства. Дихотомия между возрастающей потребностью в правовой определенности и необходимостью сохранения правового разнообразия как источника правового развития на новом витке истории ставит задачу объединения множества несходного, а значит потенциально конфликтного посредством права. Технология кодификации предназначена для решения этой сложной задачи.

Систематическая обработка разнообразных форм позитивного права в единое целое является актуальной задачей и в современной России. Технология ее решения имеет как универсальные черты, так и национальные особенности. Они связаны с устойчивыми формами организации публичной власти в конкретных государствах, долгосрочными целями реализуемыми законодателем, состоянием юридической науки, уровнем и содержанием политико-правового

мышления юристов, качественными характеристиками правосознания правоприменителей, культурным потенциалом общества и др.

Обсуждение

В российской теории права операции по упорядочению законодательства объединены понятием «систематизация» [2, С. 274]. Её разновидности выделяют по формальному критерию. Кодификация представляет собой такую переработку действующего законодательства, которая завершается появлением нового закона (кодекса). Иные способы упорядочения законодательства (инкорпорация, консолидация, учёт) с точки зрения сторонников формального подхода нацелены на техническую переработку юридических норм для удобства их практического использования.

Такой подход затрудняет разграничение кодификации и правотворчества, кодифицированных актов и законов. Отличительным признаком кодифицированного акта становится его форма. Однако критерий формы оказывается недостаточным не только для классификации исторических памятников права, но и современных актов. Понимание кодекса как «закона законов» не раскрывает сущностных свойств, определяющих его содержание. Он является результатом высокого уровня теоретического обобщения разнообразных правовых текстов с целью их упорядочения.

Применение формального критерия искусственно ограничивает исторический опыт проведения кодификации периодом складывания формально-определённого права. В России её начальный этап обычно связывают с развитием царской законодательной власти. Отсчёт истории кодификации ведут с Соборного Уложения 1649 г. [12, С. V]. В эти хронологические рамки не укладываются древние и средневековые русские кодификации. Однако именно на этом историческом этапе путём сохранения образцов желательного правового поведения формировались устойчивые компоненты техники кодификации. Вследствие этого богатый исторический опыт проведения в России кодификационных работ не используют для формирования теории кодификации.

Понимание кодификации как способа систематизации права не только противоречиво, но и бесперспективно в плане изучения сущности кодификации. Оно искусственно сужает потенциал кодификации как особой технологии функционирования права.

Недостаточным считаем и определение кодификации как технологии правотворчества [7, С. 191-193]. Кодификация как технология не только выполняет функцию создания и изменения права. Она предназначена, в том числе, и для сохранения общественного правопорядка. С древних времен и до сегодняшнего дня кодексами осуществляется сводное закрепление права для консервации желательных типов правового поведения и общественных порядков. В государствах с централизованным порядком организации публичной власти кодификация используется для единения и сплочения различных народов, проживающих в нём.

В средневековые сводно-закрепляющие кодексы не создавали право, а обеспечивали наиболее удобную форму ознакомления с ним. Для этого осуществлялся сбор, копирования и письменная фиксация наиболее авторитетных религиозных норм, правовых обычаев и судебной практики. Их разнородность, противоречивость и несовершенство потребовали доктринального осмысления источников права для решения спорных вопросов рациональными юридическими методами.

К примеру, в России попытки изменения права посредством кодексов предпринимались с начала XVIII в. Отсутствие правовой доктрины приводило к тому, что национальное правовое содержание облакалось в реципированные западноевропейские юридические формы. В условиях абсолютизма императоры сводными кодексами пытались изменить общественные отношения в сторону их европеизации. Однако задача изменения быстро переходила в стадию сохранения. Во-первых, кодификация влекла использование предыдущего опыта. Его знание необходимо и для преодоления внутреннего сопротивления изменениям, неизбежным при вступлении в силу нового кодекса. Во-вторых, любое общество нуждается в закреплённых и относительно стабильных рамках, в том числе и для планирования будущего. Поэтому идея кодификации и стремление к ней не обошли стороной ни одно общество.

Кодификация при её некотором сходстве с законотворчеством отличается от последнего целями и техникой осуществления, всеохватывающим объёмом и масштабом, подвергающихся изменениям общественных отношений, уровнем обобщения регулируемого материала. Кодификация нацелена на создание целостной системы законодательства в то время как технология правотворчества используется для преодоления отдельных системных противоречий и восполнения возникающих пробелов в правовом регулировании.

Согласимся с А.Э. Нольде в том, что деятельность кодификатора сродни работе учёного. Так, выполнение задачи по сохранению и упорядочению действующего права в XIX в. потребовало коллективных усилий сотрудников II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее II Отделение) по сбору, изучению, выбору методов, осуществлению научной обработки и упорядочения на единых правовых началах разбросанного по разным ведомствам нормативного материала. Даже сбор нормативных актов вызывал серьёзные трудности. Кодификаторам не только приходилось истребовать от разных мест и лиц сведений и указов, необходимых для составления свода законов [8, Л. 2-23], но и самостоятельно разбирать архивы ряда правительственных учреждений [9, Л. 2-16].

Смещение кодификации и законотворчества препятствует на уровне профессионального правового мышления выработке необходимого для кодификации юридического глоссария, инструментария и методики проведения. В результате понятия, широко используемые в европейской юридической науке [1, С. 185, 201], к примеру, «рекодификация», «перманентная кодификация» не включены в российский правовой дискурс. Научные исследования, раскрывающие отличия между кодификационным и законодательным порядком переработки нормативного материала, в отечественной юридической науке отсутствуют.

Методы

Различия между кодификационным и законодательным порядком изменения нормативного материала были известны ещё в XIX в. Несмотря на это задача разработки определения кодификации, в котором будут сняты

вышеназванные противоречия, остаётся нерешенной. Научное обоснование сущности кодификации позволит в должной мере использовать данную юридическую технологию для сохранения единства правового пространства государства. Полагаем, что решение этой задачи невозможно без применения исторического метода исследования.

Историческое исследование опыта кодификации в государстве способствует выявлению различных ее форм, круга социальных проблем решаемых с использованием данной технологии; определению порядка формирования кодификационных органов, способов и правил проведения кодификации и её последствий, наиболее успешных практик осуществления кодификационных работ и многое другое [13, С. 181-191]. Между тем, уникальные исследования чинов и членов комиссий II Отделения по истории кодификации, составленные ими проекты кодифицированных актов отложились в архиве в виде исторических справок и рукописей и до сих пор не опубликованы.

Основные результаты

Для такого сложного государства как Россия проблема обратной связи с прошлым при проведении кодификации приобретает особую остроту. Особенно это касается опыта XIX – начала XX вв., когда капиталистическая модернизация требовала единства правового пространства во всей Российской империи. Только в Польше исследователи насчитали три группы источников общего права и некоторые специальные источники, касающиеся частных областей права, например, каноническое право римско-католического духовенства.

О понимании кодификаторами местных правовых различия, вызванных «различными степенями гражданственности», особым климатом и религией, политическими переменами и другими обстоятельствами в жизни народов свидетельствует доклад первой кодификационной комиссии XIX в., именуемой комиссией законов. Возможно поэтому особые права и законы даровались императором не только губерниям и провинциям, но и отдельным городам.

Для устранения затруднений, возникавших вследствие существенных несоответствий местных законов общеимперскому законодательству и понимания необходимости «уважения» местных особенностей, комиссия предложила план проведения кодификации на местном уровне. Он включал извлечение начал из местного законодательства методами аналогии и обобщения и приведение их в соответствие с общеимперскими началами.

Существенные отличия между местными и общими законами, выявленные таким способом, рассматривались как препятствия для приведения к единообразию законодательства. Их анализировали на предмет преодолемости и значимости для конкретной местности. Непреодолимые, но значимые местные особенности служили основанием для появления особых местных законов. Мнимость или незначительность различий приводила к отмене местных правил и распространению на эти местности общеимперского законодательства. Такой подход применялся вплоть до начала XX в. На фоне широкого распространения общих законов при переизданиях Свода Законов отдельные местные законы сохраняли в действии.

В Российском государственном историческом архиве в фондах II Отделения и Государственного Совета сохранились десятки тысяч документов, показывающие масштабы кодификационных работ. Они проводились как общеимперском, так и на местном уровне.

На фоне значительного научного интереса к юридической истории России в XIX в. кодификация как целостный процесс остается научным пробелом. Предметом исследования становились либо отдельные этапы кодификации или кодификация конкретных отраслей права. Кодификации местного законодательства посвящено только два фундаментальных труда С.В. Пахмана [6] и А.Е.Нольде [5]. И в обеих работах исследована кодификация гражданского права.

Между тем, обобщение историко-правовых данных позволит не только сформировать устойчивые и достоверные знания о типах кодификации и ее национальных особенностях, но и разработать методiku применения способов обеспечения системного единства и интеграции вновь принятых актов в действующую систему законодательства и ее последовательное обновление.

О понимании практической значимости исторического исследования источников кодифицируемого права свидетельствуют составленные кодификаторами XIX в. многочисленные исторические справки, предшествовавшие разработке проектов положений, уставов, уложений и других кодифицированных актов. Многие такого рода исторические обзоры впоследствии запрашивались правительственными органами для решения различных законодательных вопросов.

Выполнение поставленных задач общей и местной кодификации законов дало существенные результаты и привело к составлению помимо Полного Собрания Законов и Свода Законов с Продолжениями также Свода местных узаконений губерний Остзейских, разработке сводов законов, действовавших в Западном крае и в Малороссии. Приведение в порядок источников местных законов, осуществленное в ходе этой работы, вызвало всплеск исследовательского интереса к истории литовско-польского права, права народов Прибалтийских губерний, обычного права различных народов Российской империи.

В ряде исследований отмечается, что местная кодификация осуществлялась для облегчения процесса распространения общих законов империи. С этим сложно не согласиться. Так, в 1840 г. по Указу Николая I Свод Законов стал действовать на территории Западных губерний. В конце 60-70-х г. общие законы империи распространили на Кавказ и Закавказье. Однако, во-первых, наличие общих юридических правил требовало общество, прежде всего это касалось судопроизводственных правил. Во-вторых, формирование единого правового пространства Российской империи происходило постепенно, с учётом местных особенностей. Отдельные уложения вводились на местах не в полном объеме [10, Л. 3-15].

В современной историко-правовой науке проработаны вопросы особенностей местного права, трансформации его источников и способов использования для правового регулирования в национальных регионах, особенно в Прибалтийских и Западных губерниях, на Кавказе, в Финляндии и Царстве Польском [3, С. 180-186]. Однако мало исследован процесс влияния местного права на общеимперское законодательство. Источники права Западных

губерний (особенно Польши) использовались Правительствующим Сенатом в случаях пробелов в российском законодательстве. На это имелись прямые указания в отчётах II Отделения. Для законодательных работ по Царству Польскому при Главноуправляющем II Отделением состояла Кодификационная Комиссия в виде особого учреждения.

Для народов Закавказья в 40-е годы разрабатывался Свод мусульманских узаконений. Известен автор этого проекта. Его составление было поручено Действительному статскому советнику Демезону [11, Л. 3]. В 1846 г. этот проект был передан Д.Н. Блудову. Граф посчитал, что составление Свода аналогичного Своду законов Российской Империи невозможно. Он аргументировал свою позицию тем, что российский свод составлялся по европейским канонам. В докладе Императору Д.Н.Блудов сообщал об особенностях мусульманского права, тесно связанного с религией. Поэтому малейшие перемены в законах, по его мнению, могли вызвать у мусульман опасения, что вслед за законами Император отменит и веру.

Император воспользовался предложением проявить политическую осторожность. Вместо Свода было принято решение подготовить и издать официальный комментарий к Корану и сделать его перевод на русский язык. Цель была двоякой – обеспечить единообразие местной судебной практики и показать жителям Кавказа, что российская власть уважительно относится к местным законам. Русский перевод рассматривался и как средство контроля за деятельностью местных судей по делам мусульман. В то же время Наместник Кавказа М.С. Воронцов убедил Императора не придавать переводу Корана официального характера.

Воронцов подобрал рукопись Корана для перевода – Шериул – Ислям. Перевод был сделан Особым комитетом при II Отделении. Наиболее необходимыми для судов посчитали книги о браке и купле – продаже. Перевод Корана осуществляли более 20 лет. В этой работе принимали участие представители чиновничества (Демезон), профессора института восточных языков. Завершил перевод профессор Мирзу Казем-бек [4, С. 322].

Местные своды были окончательно включены в Общий Свод Законов Империи при втором его издании в 1842 г. Некоторые мусульманские законы, действовавшие на Кавказе и за Кавказом, были исправлены и переведены на русский язык. В конце 1867 г. Александр II поручил систематизировать действующие узаконения об учреждении Кавказского и Закавказского края и преобразовании его управления.

Кодификационный отдел при Государственном Совете, созданный вместо II Отделения, принял участие в разработке мер по распространению общих законов Империи на Прибалтийские губернии. Главноуправляющий Кодификационного Отдела представил на Высочайшее утверждение следующие соображения. На переходный этап объединения законов Прибалтийского края с законами Империи предлагалось оставить неотмененными правила двух первых частей местного Свода об Учреждениях и о Состояниях. Своевременно внести их в подлежащие части Свода, сохранив лишь особо Третью часть, заключающую в себе местные гражданские законы. Эти предложения были Высочайше одобрены 10 июня 1887 г. Для облегчения практического применения местных гражданских законов вновь образованными в этом крае судебными установлениями были разработаны и обнародованы в 1890 г. Продолжения к третьей части местного Свода.

Опыт проведения кодификации местных законов во второй и третьей четверти XIX в. показывает, что под влиянием идеалов исторической школы права кодификаторы сбалансировали унификацию общеимперского законодательства и сохранили местные правовые особенности. Легализация правового разнообразия очеловечивала право, делала его доступным и понятным в разных уголках Российской империи. Постепенное сглаживание правового партикуляризма этнически и политически разобщенных народов способствовало объединению населения под властью Российского Императора.

Заключение

Таким образом, в историческом ракурсе кодификация является технологией создания целостного упорядоченного общего позитивного права государства и его развития. С её помощью создается единая юридическая основа для удобной и безопасной совместной жизни людей. Как показывает исторический опыт цель кодификации в общем смысле состоит в обеспечении диалектики сохранения и изменения общественных отношений посредством права. Её социальная значимость обусловлена особой ролью, которую кодификация играет в развитии общества и права.

Систематизация желательных правил правового поведения в данном случае выступает одним из способов кодификации. Он включает классификацию, формирование причинно-следственных связей, выявление системных единиц нормативного материала и др. Однако такие элементы как разработка цели, задач, обоснование принципов и правил, выбор метода, состава кодификаторов является частью кодификационной деятельности, но не охватываются понятием «систематизация».

В России кодификация прошла сложный исторический путь от стихийно-эмпирического коллективного творчества до рациональной целенаправленной социально-технической деятельности, обеспечивающей целостность правовой системы. Она предполагает составление разумного плана преобразования нормативного материала на общих правовых началах, осуществляемого с целью его единообразия, упорядочения, актуализации и совершенствования.

Отчасти с помощью данной технологии сохраняется своеобразие российской государственности. Оно заключено в уникальном опыте мирного сосуществования народов в составе трансформирующейся Российской империи. Большую роль сыграло в этом уважительное отношение к праву на культурное самоопределение народов, ставшее одной из важных составляющих целостности Российского государства.

Благодарности

Выражаю благодарность рецензенту моей статьи за уделённое время и внимание к работе.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Азизова В.Т., Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.118.1>

Acknowledgement

I express my gratitude to the reviewer of my article for their time and attention to my work.

Conflict of Interest

None declared.

Review

Azizova V.T., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.118.1>

Список литературы / References

1. Кабриак Р. Кодификации / Р. Кабриак — Москва: Статут, 2007. — 476 с.
2. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов — Москва: Аванта+, 2001. — 559 с.
3. Кодан С.В. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX в.): монография / С.В. Кодан — Москва: Юрлитинформ, 2014. — 281 с.
4. Майков П.М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1826-1882: исторический очерк / П.М. Майков — Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. — 616 с.
5. Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском / А.Э. Нольде — Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1906. — 325 с.
6. Пахман С.В. История кодификации гражданского права: в 2 т. / С.В. Пахман — Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1876. — Т. 1.
7. Придворов Н.А. Кодификация как высший уровень планомерно-рационального способа правообразования / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова; под ред. Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, доцента Д.Г. Краснова. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. — с. 186–197.
8. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). — Фонд 1261. — Опись 1. — Дело 2а. Об истребовании от разных мест и лиц сведений и указов, нужных для составления Сводов и собрания законов. — 1829. — Л. 2–23.
9. РГИА. — Фонд 1261. — Опись 1. — Дело 21. О командировании чиновника II Отделения для присутствования в комиссии, учрежденной при Сенате для разбора дел архивов Государственного и Правительствующего Сената. — 1830. — Л. 2–16.
10. РГИА. — Фонд 1268. — Опись 2. — Дело 329. По представлению Наместника Кавказского о неудобстве ввести по Закавказскому краю новое Уголовное Уложение во всем его объеме. — Л. 3–15.
11. РГИА. — Фонд 1261. — Опись 1. — Дело 136. О рассмотрении составленного Демезоном Свода законов и об учреждении для сего особого комитета. — Л. 3–22.
12. Сперанский М.М. Предисловие / М.М. Сперанский // Полное собрание законов Российской империи. — Т. 1.
13. Шатковская Т.В. Применение исторического метода в российском законодательстве первой половины XIX века: от практики к теории / Т.В. Шатковская // Государство и право. — 2023. — 5. — с. 181–191.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kabriak R. Kodifikatsii [Codifications] / R. Kabriak — Moskva: Statut, 2007. — 476 p. [in Russian]
2. Kerimov D.A. Metodologija prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava [Methodology of law: Subject, functions, problems of philosophy of law] / D.A. Kerimov — Moskva: Avanta+, 2001. — 559 p. [in Russian]
3. Kodan S.V. Mestnoe pravo natsional'nyh regionov v Rossijskoj imperii (vtoraja polovina XVII – nachalo XX v.): monografija [Local law of national regions in the Russian Empire (second half of the 17th – early 20th century): monograph] / S.V. Kodan — Moskva: Jurlitinform, 2014. — 281 p. [in Russian]
4. Majkov P.M. Vtoroe otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kantseljarii, 1826-1882: istoricheskij ocherk [The second department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1826-1882: historical essay] / P.M. Majkov — Sankt-Peterburg: Tip. I. N. Skorohodova, 1906. — 616 p. [in Russian]
5. Nol'de A.E. Oчерки по istorii kodifikatsii mestnyh grazhdanskih zakonov pri grafe Speranskom [Essays on the history of the codification of local civil laws under Count Speransky] / A.E. Nol'de — Sankt-Peterburg: Senatskaja tip., 1906. — 325 p. [in Russian]
6. Pahman S.V. Istorija kodifikatsii grazhdanskogo prava v 2 t. [History of the codification of civil law: in 2 vol.] / S.V. Pahman — Sankt-Peterburg: tip. 2 Otd-nija Sobstv. e. i. v. kantseljarii, 1876. — Vol. 1. [in Russian]
7. Pridvorov N.A. Kodifikatsija kak vysshij uroven' planomerno-ratsional'nogo sposoba pravoobrazovanija [Codification as the highest level of a systematic and rational method of legal formation] / N.A. Pridvorov, V.V. Trofimov // Codification of legislation: theory, practice, technology: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, September 25-26, 2008) / Ed. Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.M. Baranov, Candidate of Legal Sciences, associate professor D.G. Krasnova; edited by Pod red. doktora juridicheskikh nauk, professora,

zasluzhennogo dejatelja nauki RF V.M. Baranova, kandidata juridicheskikh nauk, dotsenta D.G. Krasnova. — Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaja akademija MVD Rossii, Torgovo-promyshlennaja palata Nizhegorodskoj oblasti, 2009. — p. 186–197. [in Russian]

8. Russian State Historical Archive (hereinafter referred to as RGIA). — Fund 1261. — Inventory 1. — Case 2a. Ob istrebovanii ot raznyh mest i lic svedenij i ukazov, nuzhnyh dlya sostavleniya Svodov i sobraniya zakonov [On requesting from various places and persons information and decrees necessary for the compilation of Codes and collections of laws]. — 1829. — L. 2–23 [in Russian]

9. RGIA. — Fund 1261. — Inventory 1. — Case 21. O komandirovanii chinovnika II Otdeleniya dlya prisutstvovaniya v komissii, uchrezhdennoj pri Senate dlya razbora del arhivov Gosudarstvennogo i Pravitel'stvuyushchego Senata [On the secondment of an official of the II Division to attend the commission established under the Senate to examine the files of the archives of the State and Government Senate]. — 1830. — L. 2–16. [in Russian]

10. RGIA. — Fund 1268. — Inventory 2. — Case 329. Po predstavleniyu Namestnika Kavkazskogo o neudobstve vvesti po Zakavkazskomu krayu novoe Ugolovnoe Ulozhenie vo vsem ego ob"eme [According to the recommendation of the Viceroy of the Caucasus about the inconvenience of introducing a new Criminal Code in the Transcaucasian region in its entirety]. — L. 3–15. [in Russian]

11. RGIA. — Fund 1261. — Inventory 1. — File 13b. O rassmotrenii sostavlennogo Demezonom Svoda zakonov i ob uchrezhdenii dlya sego osobogo komiteta [On the consideration of the Code of Laws drawn up by Demaison and on the establishment of a special committee for this purpose]. — L. 3–22. [in Russian]

12. Speransky M.M. Predislovie [Preface] / M.M. Speranskij // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. — Vol. 1. [in Russian]

13. Shatkovskaja T.V. Primenenie istoricheskogo metoda v rossijskom zakonotvorchestve pervoj poloviny XIX veka: ot praktiki k teorii [Application of the historical method in Russian lawmaking in the first half of the 19th century: from practice to theory] / T.V. Shatkovskaja // State and Law. — 2023. — 5. — p. 181–191. [in Russian]